

Северная война и церковная реформа Петра I

Н.В. Соколова

Институт славяноведения РАН

В статье изложены некоторые итоги исследования истории церковной реформы, в котором Северная война рассматривается в качестве одного из важнейших факторов петровских преобразований в церковно-государственных отношениях. Вводятся в научный оборот описные книги патриарших вотчин в 17 уездах России, созданные в ходе описания церковно-монастырских имуществ во исполнение указа от 31 января 1701 г. Отмечены черты общего и особенного в формуляре и содержании этих документов и ранее известных описаний архиерейских домов и монастырей, проводившихся по наказным памятям Монастырского приказа в 1701-1705 гг. Констатируется, что секуляризация земельных владений патриарха, в отличие от иных церковных владений, уже в начале XVIII в. была доведена до логического конца, была полной и окончательной. В этой связи очевидна необходимость отказа от однозначных исторических параллелей между событиями начала XVIII в. и «монастырской секуляризацией» 1764 г.

Сопоставление адресованных Петру I предложений влиятельного в тот период «прибыльщика» Алексея Курбатова в письме, датированном 25 октября 1700 г., и содержания именных указов от 24 и 31 января 1701 г. о восстановлении Монастырского приказа позволяет высказать гипотезу о том, что поражение под Нарвой и подготовка к встрече с курфюрстом Августом II, итогом которой стало подписание Бирженского трактата, заставили внести существенные коррективы в планы церковной реформы. Новеллой январских указов, которые, по моему мнению, и стали началом реформы (в тогдашнем общеевропейском смысле этого понятия), было включение вотчин патриарха в перечень владений церкви, подлежащих впредь контролю со стороны государства.

Последовавшая в начале Северной войны секуляризация церковно-монастырских владений и имущества не только противоречила многовековой исторической практике, но была тогда организационно неподъемной для государства. Оно оказалось способным решить задачу управления выморочными патриаршими землями, но для приемлемого контроля над всеми владениями Церкви у него ещё не было соответствующих кадровых и логистических возможностей.

Ключевые слова: история Русской Православной церкви, церковная реформа Петра I, реформы церковно-государственных отношений, патриарх Адриан, секуляризация, описные книги, Северная война

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 12.10.2021

Принята к публикации: 20.11.2021

Исследование взаимовлияния внутренних процессов в государстве Российском и тех процессов, которые традиционно воспринимаются как внешние, не является сильной стороной отечественной историографии. Это обусловлено как относительно узкой специализацией самих историков на той или иной проблематике, так и объективной сложностью, неочевидностью наложения соответствующих векторов воздействия тех или иных событий и обстоятельств, особенно если они имели место в условиях своего рода ускорения исторического времени. Церковная реформа Петра I и Северная война являются именно такими историческими феноменами, взаимосвязь которых остаётся практически не изученной.

Сохраняющийся интерес исследователей к истории реформы в сфере церковно-государственных отношений во многом предопределён той ролью, которая отводилась ей в осуществлении не только реформаторских планов Петра I внутри страны, но и в решении внешнеполитических задач России (историографию см., напр.: Баггер 1985: 32-33, 119, 130, 146-147; Булыгин 1977: 9, 23; Седов 2013: 122-124; Башнин, Черкасова 2021: 25, 28). Как справедливо отмечал крупнейший датский историк-русист Ханс Баггер, несмотря на то что важнейшие труды по истории реформы, написанные в XIX – первой четверти XX в., «являются по своей структуре систематически-описательными», для них характерен и «довольно высокий уровень проблемности» (Баггер 1985: 119). Многие ключевые источники введены в научный оборот благодаря работам М.И. Горчакова, С.Г. Рункевича, П.В. Верховского (Верховской 1916; Горчаков 1868; Горчаков 1871; Рункевич 1900). Возрождение исследований по проблематике реформы имело место с середины 1950-х гг., вначале за рубежом, а затем и в отечественной науке. Среди работ, подготовленных в рамках марксистской парадигмы, следует отметить монографию И.А. Булыгина, которой был задан один из основных трендов в изучении реформы на следующие десятилетия, заключающийся в анализе политики государства в отношении церковно-монастырских имуществ и её последствий (Булыгин 1977). Он впервые был сформулировал вывод о том, что на начальном этапе церковной реформы была проведена «полная» монастырская секуляризация, тогда как ранее исследователи характеризовали её как «частичную» или «частичную и временную» (Булыгин 1974: 79, 83; Никольский 1912: 188; Слицан 1954: 376).

Для постсоветской историографии характерны интерес к публикации архивных документов, возвращение дискуссионности, в частности о хронологии реформы, о целях и задачах её основных этапов, о содержании важнейших понятий, таких как «реформа» и «секуляризация», об обоснованности их применения к взаимоотношениям государства и церкви в России первой четверти XVIII в., а также значительное разнообразие в подходах и интерпретации источников в рамках различных исследовательских направлений и парадигм. В

недавно опубликованной в *Canadian-American Slavic Studies* статье российских историков Н.С. Башнина и М.С. Черкасовой «Как начиналась церковная реформа Петра I?» констатируется существование в современной российской историографии двух основных направлений: «исследование экономического, хозяйственного аспекта реформы и её идеологического, концептуального, мировоззренческого содержания». Однако, считают авторы, «до сих пор в исторической литературе не показаны истоки церковной реформы Петра I, недостаточно разработана её хронологическая динамика и предыстория этого крупного преобразования. Ещё менее разработаны её региональные аспекты и особенности, непосредственный механизм проведения преобразований на местах, взаимодействие центральных и местных институтов власти – гражданских, церковных, земских (общинного самоуправления)». С целью восполнить этот пробел исследователями «представлен сравнительно-исторический анализ социальных и экономических сторон преобразования на примере двух епархий северной России – Вологодско-Белозерской и Устюжско-Тотемской в хронологических рамках 1690-е – начало 1700-х гг.». Они предложили смелую концепцию начала реформы: «Предпосылки и начальные мероприятия церковной реформы Петра I ... были связаны с Русским Севером, епархиальными преобразованиями, взаимоотношениями духовной и местной светской власти и датируются серединой 1690-х гг.». «Благодаря изучению документов северных епархий, – как полагают авторы, – становится очевидным, что в начале церковной реформы была поставлена цель точно выяснить объёмы церковных богатств по всей России, для чего и были проведены в сжатые сроки переписные работы. Осознание царём того, что Церковь владеет значительными земельно-промысловыми, денежными, людскими ресурсами и обсуждение этого вопроса со служащими приказа Большого дворца и своими соратниками укрепили реформатора в мысли использовать их в государственных интересах». В статье сделан вывод о том, что «опыт описания церковных владений, полученный на Севере, был распространён на всю страну в 1701–1703 гг.», и предложена новая датировка церковной реформы, где период 1696–1703 гг. обозначен как некая её стартовая фаза. В этот хронологический интервал попадают и события, последовавшие за официальным объявлением Петром I войны Швеции. Однако Северная война как фактор церковной реформы авторами не рассматривается. Она упомянута в тексте единожды, в связи с констатацией «предельно высоких темпов роста государственных платежей в первые годы Северной войны» (Башнин, Черкасова 2021: 27–28, 33, 36, 42, 45).

Для П. В. Седова, анализирующего традиции и новации в церковной реформе Петра I, Северная война оказывается, напротив, чрезвычайно важным обстоятельством. В выступлении в рамках дискуссии «Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.)» исследователь задаётся вопросом, «как современники осознавали такое наступление на церковное имущество, в каких словах выражался смысл происходившего, ведь никаких

указов о всеобщей конфискации церковных земель не объявлялось». Он приводит свидетельства источников об одних и тех же словах, якобы произнесённых в 1702 г. Иваном Алексеевичем Мусиным-Пушкиным, Фёдором Алексеевичем Головиным и Никитой Моисеевичем Зотовым в схожих ситуациях, в которых так или иначе затрагивались материальные интересы Церкви, «что де все ныне государево», и делает вывод: «Эти слова начальников не были записаны ни в одном законе, но они как эхо разносили по стране государеву волю. То, что было беззаконием в мирное время, на что можно было жаловаться самому государю, во время войны возводилось в ранг неписанного закона (курсив мой. – Н.С.), каковым и была, в сущности, власть самодержца» (Седов 2013: 134–136).

По мнению П.В. Седова, «действия Петра I по изъятию церковных доходов восходили к традиционной практике XVI–XVII вв., когда государь патронировал церковь как титульный собственник». «Преемственность отношений “священства” и “царства” второй половины XVII в. с петровским временем, – декларирует исследователь, – состояла не в торжестве секуляризации, а в господстве представлений о божественной сущности царской власти. Именно эта доктрина соединяла представления московского периода о том, что “на государеву милость образца нет”, с утверждением начала Северной войны: “все де ныне государево”. При таком подходе становится понятно, почему церковные власти были “государеву указу не преслушны”». «В конце Северной войны, – резюмирует автор, – Пётр отменил внешнее управление церковными землями и вернул монастырям их вотчины, главным образом в связи с тем, что внешнее управление церковной собственностью оказалось малоэффективным... Приведённый материал, скорее, позволяет говорить не о секуляризации, а о мероприятиях по изъятию церковных доходов. Такая политика восходила к прежнему опыту XVII в., но проводилась столь решительно, что на время далеко вышла за пределы традиции. К концу Северной войны, когда поражение Швеции было уже не за горами, Пётр вернул церкви земельные владения и доходы с них, последние – в несколько урезанном виде. ... Никаких прямых свидетельств о намерении Петра провести полную секуляризацию церковных земель нам не известно, хотя после смерти последнего патриарха Адриана в 1700 г. его власть над церковью была абсолютной» (Седов 2013: 140–142).

Столь различные трактовки смысла и значения перемен, происходивших во взаимоотношениях государства и церкви в условиях Северной войны, начиная с сакраментального вопроса о том, церковная реформа – это «средство» или «цель», свидетельствуют об актуальности дальнейшего изучения темы. И особое внимание следовало бы уделить накоплению эмпирического материала, прежде всего выявлению новых источников, которые способствовали бы углублению наших представлений не только о начальном периоде реформы, но и о методах и темпах её осуществления в дальнейшем.

Источниками данного исследования стали как опубликованные, так и, главным образом, неопубликованные документы: царские указы, в том числе

именные, указные грамоты, наказные памяти из московских приказов и «отписки» от воевод и других представителей власти на местах, переписные книги 1678 г. и различные «ведомости», составленные по данным этих описаний в XVIII в., хозяйственные книги учётно-динамического и учётно-статического характера (приходо-расходные книги московских приказов, различные описи церковно-монастырского имущества и вотчин), документы текущего приказного делопроизводства, «скаски» церковного клира, приказчиков, мирских старост и крестьян, переписка, дневники, подённые записи и др.

Целью статьи является изучение Северной войны как одного из факторов церковной реформы Петра I. В качестве рабочей гипотезы рассматривается тезис о взаимосвязи между событиями в истории внешней политики и дипломатии, а также военной истории, имеющими непосредственное отношение к Северной войне, с одной стороны, и характером взаимоотношений государства и церкви в первой четверти XVIII в. – с другой. Важнейшей своей задачей автор считает способствование преодолению ментального барьера в сознании историков между внешней политикой и делами внутренними, что позволило бы сделать анализ реформаторской деятельности Петра I более продуктивным и корректным.

Новый источник по истории патриаршества в России

В предлагаемой вниманию читателя статье вводится в научный оборот комплекс документов, представляющих собой материалы описания вотчин Патриаршего дома, которое было произведено в 1701–1703 гг. по наказным памятям Монастырского приказа. Рукопись в 2^о, хранящаяся в Российском государственном архиве древних актов¹, насчитывает 1007 листов. Переплёт (доски в коричневой коже) повреждён, отсутствует передняя крышка. Без начала. В книге две нумерации листов. Более древняя фолиация, чернилами, выполнена кириллическими цифрами. Номер на первом листе рукописи показывает, что утеряны 6 начальных листов. После листа 980 нумерация продолжается уже арабскими цифрами, почерком XVIII в. Архивная фолиация карандашом дополнительно включает титульные страницы отдельных описей. Неиспользованные листы в конце тетрадей помечены как «порозжие» и не пронумерованы.

Конволют составлен из подлинников, о чём свидетельствуют скрепы по листам. Количество рукоприкладств отличается в описях разных писцов. Например, книги владений патриарха в ряде станов Московского уезда имеют лишь одну скрепу производившего описание стольника – «Василий Сабуров», в то время как описи Сенежской волости Владимирского уезда – пять (стольника князя Ивана Васильевича Барятинского, дьяка Монастырского

¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 236. Оп. 1. Д. 119.

приказа Ивана Иванова, приказчика патриаршей вотчины и двух приходских священников).

В книгу включены документы, в которых содержатся сведения о владениях Патриаршего дома в 17 уездах (Московский, Владимирский, Нижегородский, Ростовский, Костромской, Юрьевский уезд Польского, Муромский, Переславский уезд Залесского, Коломенский, Кашинский, Синбирский, Дмитровский, Галичский, Можайский, Лебедянский, Елецкий, Суздальский). Для сравнения: А.Н. Сахаров включает в список административно-территориальных единиц, где в XVII в. существовало патриаршее хозяйство, 23 уезда (Сахаров 1966: 39, 46–47). В росписи XVIII в., составленной на основе переписных книг 1678 г. и озаглавленной «Книга переписная, сколько за Святейшим патриархом в разных уездах крестьянских и бобыльских дворов»², вотчины патриарха зафиксированы в 20 уездах. Разночтения с перечнем уездов в нашей рукописи частично объясняются изменениями в административно-территориальной принадлежности вотчин (например, слобода Комаровка, описанная в 1702 г. стольником С.И. Толстым в Синбирском уезде, ранее значилась в Карсунском уезде). Отсутствие ряда других уездов, по-видимому, является следствием произошедших с момента составления предыдущего кадастра изменений или результатом деятельности Монастырского приказа (см. ниже). Таким образом, можно констатировать, что в книге представлена большая часть уездов, где имелись владения патриарха.

Анализ описей патриарших владений позволил выделить черты общего и особенного в формуляре и содержании вновь выявленных документов и ранее известных описей архиерейских домов и монастырей 1701–1705 гг. В частности, программа описания, восходящая к наказным памятям из Монастырского приказа, практически не отличается от того, как описывали вотчины монастырей. В состав конволюта кроме собственно описных книг патриарших сел, как правило, включены описания находившихся там церквей, а также «скаска» крестьян о вотчинных повинностях и платежах и об ознакомлении с царскими указами. Изучение материалов Нижегородского уезда, который являлся достаточно «типичным», как по срокам проведения описания, так и с точки зрения предмета учёта, поскольку на этой территории существовали все виды церковно-монастырских владений, позволяет сделать вывод об общих методах работы писцов. В сохранившихся описях стольника Петра Борисовича Вельяминова нашли отражение все имевшиеся на тот момент в уезде владения Патриаршего дома³. Сопоставление дат в преамбулах описей нижегородских патриарших сел (Матюшево, Работки, Спасское и Ватрас) и монастырских владений⁴ даёт основание утверждать, что различные виды церковной собственности в уезде описывали

² РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 157.

³ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 119. Л. 377–547.

⁴ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 22, 30, 45, 54, 56, 6567.

единовременно. Дополнение новыми данными ранее выполненного ретроспективного картографирования передвижений писцов по территории уезда при учёте монастырских вотчин и крестьян также свидетельствует, что какого-то отдельного, специального, описания владений Патриаршего дома не было.

Данное наблюдение требует верификации на материалах прочих уездов. Однако уже сейчас можно констатировать, что и в ряде других уездов патриаршие вотчины описывали те же писцы, кто известен нам в этом качестве по описям монастырей и/или архиерейских домов в пределах той же административно-территориальной единицы. Например, подобным образом была организована работа писцовых комиссий стольников Гаврилы Павловича Савелова (Владимир), Луки Богдановича Коблукова (Дмитров), Семена Микифоровича Коробьина (Переславль), Ивана Васильевича Кикина (Коломна), Ивана Леонтьевича Нелидова (Галич). Следует подчеркнуть, что такая практика имела место и в деятельности стольника Ивана Мироновича Кологривова, который описывал в Суздальском уезде как патриаршее село Михайлова сторона, так и приписанный к Нижегородскому Печерскому монастырю Борисоглебский монастырь в селе Кидекша и владения Суздальского Покровского девичьего монастыря⁵. Опись суздальской вотчины патриарха – самый ранний из документов нашего конволюта, имеющих дату. Она была представлена в Монастырский приказ уже 14 апреля 1701 г. Иными словами, описание вотчин патриарха является одним из самых ранних и началось вскоре после указа от 31 января 1701 г.

Вводимый в научный оборот источник представляет собой комплекс объединённых в одном переплёте для удобства их использования в повседневной приказной практике описных (отписных) книг. Целью составления такой традиционной и для того времени широко распространённой разновидности хозяйственных книг учётно-статического характера являлся именно учёт как таковой. Следовательно, отсутствуют какие-либо основания полагать, что появление этих документов, составленных «стольниками Монастырского приказа в начале 1700-х гг.», «отражает утилитарный взгляд Петра I на религию и Церковь» (Башнин, Черкасова 2021: 44). Именно этот тип документов и имел в виду Н.М. Никольский, когда писал: «Приказ принял их в своё ведение по описи, произведённой его агентами, описи, правда, очень неполной и плохой, но все-таки, следовательно, не без счета. Приняв в своё ведение церковные имущества, приказ вступил в полное управление ими» (Никольский 1912: 187). Оценка качества «описи» зависит от того, в какой мере исследователь был знаком с совокупностью сохранившихся документов, что никак не влияет на верную характеристику источника как такового.

В приказах, где дьяки и подьячие восстановленного в 1701 г. Монастырского приказа работали ранее, к тому времени уже существовала вполне сложившаяся

⁵ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 22. Л. 627; Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 218. № 841–5.

традиция составления таких «описных» книг. Они создавались, например, при смене настоятелей патриарших домовых монастырей. Список с такой описи, как правило, отправлялся в патриарший Дворцовый приказ, который теперь также оказался подчинён главе Монастырского приказа И. А. Мусину-Пушкину. Хорошо известна и практика тотального описания движимого и недвижимого имущества, земельных владений при их передаче в ведение Приказа Большого дворца как конфискованных (например, у В.В. и А.В. Голицыных) или выморочных (вотчины И.Б. Черкасского, И.М. Милославского, Б.И. Морозова, А.И. и А.А. Воротынских) (Соколова 2016: 44, 49, 55; Соколова 2021: 227-228, 236-237, 239-240, 243, 247). Именно подобный опыт проведения одновременного учёта землевладения и хозяйства крупных вотчинников, земли которых были расположены в подчас весьма удалённых друг от друга уездах, был особенно важен для описания земель церкви с учётом целей данного мероприятия.

В этом контексте представляется недостаточно убедительным тезис о том, что опыт переписи церковью Великоустюжской епархии 1696-1697 гг. и её результаты (выявление 20 тыс. руб. – *Н.С.*) «подтолкнули Петра I и его соратников к более внимательному отношению к церковному имуществу, а следовательно к расширению контрольно-учётной документации и проведению социально-экономической ревизии Церкви в масштабах всей страны» (Башнин, Черкасова 2021: 44). Для определения нижней границы датировки церковной реформы слабым и слишком умозрительным аргументом является утверждение о каком-то особом влиянии этой переписи как «первого описания целой епархии по инициативе светской власти» на проведение описания церковно-монастырского имущества в начале XVIII в. (Башнин, Черкасова 2021: 29). В чем заключалась реформаторская деятельность царя в период после этой переписи и до царских указов 24 и 31 января 1701 г.? Ментальный барьер между внешней политикой и делами внутренними в данном случае проявился в игнорировании внешнеполитических обстоятельств – «Великого посольства», Азовского похода, т. е. длительного отсутствия Петра I в столице в условиях, когда во главе Церкви оставался патриарх Адриан, а Монастырский приказ как инструмент преобразований ещё не был воссоздан.

Таким образом, уже на стадии архивной эвристики очевидно, что без привлечения новых документов любые суждения о начальном этапе церковной реформы могут оказаться не просто неполными, но и ошибочными. Введение же в научный оборот описных книг владений Патриаршего дома требует включения этого источника в событийный контекст.

Северная война как одна из предпосылок церковной реформы

Осознание царём того факта, что церковь владеет огромными земельно-промышленными, денежными и людскими ресурсами, которые можно использовать «в государственных интересах», не могло стать, вопреки безапелляцион-

ному суждению Н. В. Башнина и М. С. Черкасовой, результатом описания 1701-1703 гг. (Башнин, Черкасова 2021: 45), хотя бы в силу возраста и жизненного опыта Петра Алексеевича (1672-1725) на момент издания указа о таком описании. Из письма «прибыльщика» Алексея Курбатова Петру I, датированного 25 октября 1700 г., следует, что вопрос о неких преобразованиях в церковно-государственных отношениях поднимался и раньше (Верховской 1916: 111; Рункевич 1900: 27). М. И. Горчаков, ссылаясь на этот источник, утверждал, «что Пётр давно уже (курсив мой. – Н.С.) намеревался взять от церковных учреждений управление их имуществами в ведение государства и что Курбатов указал Государю удобный момент для предположенной передачи» (Горчаков 1868: 122). Однако упомянутое в тексте письма «первое писание» Курбатова царю не имеет каких-либо хронологических привязок.

Триггером же церковной реформы стала смерть патриарха Адриана (в ночь с 15 на 16 октября 1700 г.). Известие застало Петра I в войсках под Нарвой. И поражение 19 ноября, похоже, внесло определённые коррективы в планы церковной реформы. Так, указ о поручении дел Патриаршего духовного приказа митрополиту Рязанскому и Муромскому Стефану вышел лишь 16 декабря, т. е. через два месяца после кончины патриарха и неделю спустя после возвращения царя в Москву⁶. Историки неоднократно указывали, что в самом факте назначения местоблюстителя патриаршего престола нет ничего экстраординарного (Булыгин 1977: 73; Горчаков 1871: 349-351; Никольский 1912: 184), однако их мнения о том, предполагали ли уже первоначальные планы Петра I ликвидацию патриаршества, порой диаметрально противоположены.

Сопоставление предложений из письма А.А. Курбатова («чтоб во архиерейских и монастырских имениях усмотреть и, волости переписав, отдать все во хранение, избрав кого, во всяком радении тебе, государю, усердного, учинив на то росправный приказ особый»⁷) и содержания именных указов от 24 января 1701 г. о восстановлении Монастырского приказа и от 31 января 1701 г. о передаче в его ведение всех церковно-монастырских имуществ позволяет отметить важную новеллу январских документов⁸. В отличие от проекта, изложенного царю Курбатовым, в перечень того, что отныне подлежит контролю государства (Монастырского приказа), оказались включены и владения патриарха. Так, указ от 24 января 1701 г. гласил: «Дом Святейшаго Патриарха и дома ж Архиерейские и монастырские дела ведать боярину Ивану Алексеевичу Мусину Пушкину, а с ним у тех дел быть дьяку Ефиму Зотову; и сидеть на Патриаршем дворе в палатах, где был Патриарш Розряд, и писать Монастырским приказом; а в приказе Большого Дворца монастырских дел не ведать, и прежняя дела ото-

⁶ Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.] (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т. 4. № 1818. 16 декабря. С. 87–88.

⁷ Цит. по: Верховской 1916: 111; Рункевич 1900: 27–28.

⁸ ПСЗ. Т. 4. № 1829. 24 января. С. 133; № 1834. 31 января. С. 139.

слать в тот приказ». Причинно-следственная связь между этим документом и указом 31 января 1701 г. очевидна, и потому вполне ожидаемо, что, согласно последнему, имущество и вотчины патриарха подлежали описанию наряду с тем, что имели архиерейские дома и монастыри («А для переписки дому Святейшаго Патриарха и всех архиереев и монастырей и их вотчин и всяких угодий послать из царедворцев людей добрых»), что и было, как показано выше, де факто исполнено.

Как представляется, именно неудачное для России начало Северной войны (капитуляция входившей в «Северный союз» Дании, экспедиция Карла XII в Лифляндию, в результате которой Август II снял длившуюся около семи месяцев осаду Риги и отошел в Польшу, поражение русской армии под Нарвой) оказалось тем исторически случайным фактором, ускорившим принятие решений в связи с уже зревшими в окружении царя планами совершенствования фискального механизма государственного бюджета за счёт церковных доходов. Почти совпавшая по времени с этими событиями смерть патриарха Адриана, во-первых, означала «естественное» расширение сферы ответственности воссоздаваемого Монастырского приказа, во-вторых, открывала дополнительный источник пополнения казны в условиях очевидного форс-мажора.

Вместе с тем внешнеполитический контекст церковной реформы и роль Северной войны как её существенного фактора было бы в корне неверным сводить к тезису об оценке Петром I грядущих расходов государственного бюджета на новую армию и флот. Следует отметить и необходимость масштабных финансовых вливаний в дипломатической сфере. 19 февраля 1701 г. «боярину Федору Алексеевичу Головину» с товарищи» был направлен специальный указ с изложением документа от 24 января 1701 г., содержащий предписание «и сей свой великого государя указ в Посольском приказе записать в книгу»⁹. Таким образом, Посольский приказ был в числе институций, до сведения которых информация об нововведениях была доведена формально-бюрократически, в письменной форме. Цена, которую пришлось заплатить за сохранение Саксонии в качестве союзника и поддержку саксонского курфюрста Августа II как польского короля (в надежде на вступление Речи Посполитой в Северный союз против Швеции), в частности по Бирженскому трактату, известна¹¹. Показательно, что Петр I выехал из Москвы на свидание с Августом II, намечавшееся ещё в ноябре-декабре 1700 г., лишь 31 января 1701 г., в день подписания второго из январских указов (Павленко 2006: 147). И лишь после возвращения Петра Алексеевича из этого дипломатического вояжа был подписан именной указ от 11 марта 1701 г.¹²

⁹ Сам Ф. А. Головин в это время сопровождал Петра I. См.: Свидание Петра Великого с Августом II, в Биржах. Рукописный дневник (Diariusz) Польского дипломата-очевидца этого свидания // Временник Общества истории и древностей российских. Кн. 17. 1853. Смес. С. 10–17.

¹⁰ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1701 г. Д. 15. Л. 1–2.

¹¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1 (1688–1701). СПб., 1887. № 365. С. 435–439.

¹² ПСЗ. Т. 4. № 1839. 11 марта. С. 159.

Реалии церковной реформы Петра I глазами современников и историков

Мартовский указ историки справедливо относят к числу важнейших «постановлений практического характера, которые показывают, как духовенство постепенно, но все более и более устранялось от управления своими имениями и хозяйством, а государственная власть в лице Монастырского приказа, наоборот, все более забирала это управление в свои руки» (Булыгин 1976: 76). В документе впервые был формализован способ перераспределения части доходов Церкви в пользу государства через немедленное выставление оброчных статей в её имениях (мельницы, перевозки и мосты, рыбные ловли, пустоши, промысловые угодья) на торги с распоряжением «отдавать из наддачи новым откупщикам». Если различать в рамках церковной реформы, вслед за Н. М. Никольским, секуляризацию доходов и секуляризацию имущества (Никольский 1912: 188), то именно этот указ знаменует собой начало первой.

Впрочем, вскоре последовала и секуляризация имущества (Булыгин 1977: 93, 94; Горчаков 1871: 457, 461). Следует подчеркнуть, что уже в самом начале она затронула и владения патриарха. Так, вотчина, проданная Ивану Ивановичу Бутурлину по именному указу от 8 марта 1702 г., ранее была описана как патриаршая «деревня Савелкова, а Петраково тож» в Горетове стане Московского уезда¹³. Другие владения Патриаршего дома уже в 1703 г. были приписаны к различным государственным учреждениям (Горчаков 1871: 458), в том числе по указам от 11 марта и 2 октября 1703 г. ржевская, белозерская и пошехонская вотчины, что, вероятно, и объясняет отсутствие их описаний в конволюте, хранящемся в РГАДА.

Источники свидетельствуют, что начальный этап реформы осмысливался современниками в тесной взаимосвязи с Северной войной. Однако вопрос о том, в какой мере «церковные власти были “государеву указу не преслушны”» (Седов 2013: 142), требует дальнейшего изучения. Отношение к секуляризации части церковных иерархов замечательно иллюстрируют слова митрополита Нижегородского и Алатырского Исаии¹⁴, зафиксированные в донесении драгунского поручика Василия Афанасьевича Тютчева, который в феврале 1707 г. был послан из Монастырского приказа в Нижний Новгород для «розыска» по доносу подьячего Фомы Лазарева: «Боярин де Иван Алексеевич Мусин Пушкин *напал на церкви божии, вотчины наши ведает, а ныне де у нас и данные, и вечные деньги отнимает. А если де те сборы у меня отимут, то я своей епархии все церкви затворю и архиерейство покину. Какое де моё архиерейство, что моё у меня отнимают? Как де хотят иные архиереи, а я за своё умру, а не отдам. А ты по наказу своему разыскивай правдою. И так вы пропадаете, как червей, шведы*

¹³ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 119. Л. 71–73.

¹⁴ В сентябре 1708 г. был лишён митрополии и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь.

вас побивают, а все де за наши слезы и за ваши неправды. Да и впредь де, буде не отстанете от неправд, шведы вас побьют». В мае того же года в ходе следствия в Преображенском приказе по доносу митрополичьего певчего Семена Андреева, сказавшего «слово и дело» на нижегородского подьячего Назара Микляева, была озвучена несколько иная версия высказываний Исаии о церковной политике Петра I: «Он де и про государя говорил такие слова: если б де он государь у нас архиреев монастырей и крестьян не отнял, так бы де он государь шведов побил, а то он государь монастыри и крестьян у нас отнял, так де нас всех шведы побьют»¹⁵.

Более ранний эпизод длительного конфликта нижегородского митрополита с Монастырским приказом нашёл отражение в документе из фонда «Приказные дела новых лет» РГАДА. В наказной памяти в Новгородский приказ Федору Алексеевичу Головину, датированной 28 сентября 1703 г., речь идёт о повторной посылке «послушной грамоты» нижегородскому воеводе¹⁶, поскольку стольник Павел Михайлович Скрябин, «которой из Монастырского приказу послан в Нижней Новгород для розыску про ссоры нижегородского архиерея со стольником с князем Иваном Бярятинским», не получил служилых людей «для розысков»¹⁷. Известно, что Иван Васильевич Бярятинский, ранее описывавший церковно-монастырские владения во Владимирском и Муромском уездах, в том числе вотчины патриарха, затем был послан от Монастырского приказа в Нижний Новгород¹⁸. Там был создан «Приказ монастырских дел», однако кадровая проблема, по-видимому, стояла очень остро. Нижегородский воевода жалуется в Москву, что в этом «приказе» сидит ранее обвинённый в краже подьяческий сын Михаил Ординцов, которого стольник князь И. В. Бярятинский ему «не отдаёт». Помимо этого, нижегородские власти не могут «сосчитать» подьячего Петра Семенова, который был «у сбора пошлин», поскольку Бярятинский «послал ево Петра в вотчину (ранее монастырскую. – Н.С.) на приказ в село Юнгу»¹⁹. Таким образом, назначенный из Монастырского приказа управитель церковно-монастырскими имуществами при исполнении своего поручения вынужденно вступал в конфликт не только с церковными, но и со светскими властями.

Как справедливо отмечал И.К. Смолич, «когда 24 января 1701 г. Монастырскому приказу передан был надзор за монастырскими владениями, он одновременно получил право контроля над всеми церковными владениями – прежними патриаршими, епархиальными и монастырскими, как сказано в указе. Но Монастырский приказ не получил точных указаний о пределах своей компетенции» (Смолич 1999: 269–270). Вывод П.В. Седова о том, что «в конце Северной войны

¹⁵ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 453. Л. 43 об. -44, 65.

¹⁶ Помаскин (Помаский, Помасков) Богдан Иванович (РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 49. Л. 134).

¹⁷ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1703 г. Д. 170. Л. 1 об. -2.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 49. Л. 19.

¹⁹ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1703 г. Д. 169. Л. 2–2 об.

Пётр отменил внешнее управление церковными землями и вернул монастырям их вотчины, главным образом в связи с тем, что внешнее управление церковной собственностью оказалось малоэффективным» (Седов 2013: 140), требует уточнения, ибо автор пишет о монастырях, но игнорирует судьбу вотчин патриарха. Кроме того, недопустимой модернизацией представляется использование понятий «эффективность» и «внешнее управление».

Источники свидетельствуют о влиянии хода военной кампании на содержание и темпы проведения церковной реформы. Разумеется, в первые годы тенденция к сокращению контроля и управления посредством Монастырского приказа, человеческие и финансовые ресурсы которого уменьшились в результате призыва на военную службу патриарших дворян и отписки к другим приказам патриарших вотчин и монастырей, ещё только намечалась, но ретроспективный взгляд на эволюцию уже завершённых процессов даёт основания для такого заключения. М.И. Горчаков отмечал сокращение в 1705 г. «ради швейцарской войны» не только оклада монахам, но и жалования в самом Монастырском приказе (Горчаков 1871: 455, 473). В итоге было принято решение о постепенном возвращении монастырям управления вотчинами, а бывшие владения патриарха были переданы во вновь учреждённые губернии. Финансовый мотив церковной реформы отходил на второй план, вытесняемый, среди прочего, ожиданиями результативного осуществления податной реформы. Успехи в Северной войне позволили сконцентрировать внимание на иных аспектах церковной реформы, что нашло отражение в издании так называемого Духовного регламента в год подписания Ништадтского мира.

* * *

Исследование показало необходимость осмысления церковной реформы в системной целостности Петровской эпохи. Внешнеполитическая ситуация оказывала влияние на внутривнутриполитические процессы. Источники позволяют сделать вывод о существенном воздействии фактора Северной войны на содержание церковной реформы, в частности, на принятие решения о секуляризации уже на её начальном этапе и на темпы преобразований в целом. Судьба патриарших земельных владений после смерти Адриана также, по-видимому, была предопределена обстоятельствами военного времени.

Началом реформы, по мнению автору, следует считать царский указ от 24 января 1701 г. о восстановлении Монастырского приказа, функционировавшего в соответствии с гл. XIII Соборного уложения²⁰ с 1649 по 1677 г. Восстановление ранее существовавшего приказа, а не учреждение некоего ново-

²⁰ Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии. АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние; подгот. текста Л.И. Ивиной; коммент. Г.В. Абрамовича [и др.]; рук. авт. коллектива А.Г. Маньков. Л.: Наука, 1987. (Законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII веков). С. 69–70.

го ведомства, «курирующего» государственно-церковные отношения, на мой взгляд, свидетельствует, что намечавшиеся изменения изначально трактовались Петром I в соответствии с пониманием термина «реформа», характерным для тогдашней Европы, а не в его современном значении (Пименова 2013: 61; Кром, Пименова 2013: 12-13; Дискуссия по докладам... 70-71). Зафиксированные факты зачитывания населению церковно-монастырских вотчин неких «царских указов», пересказ которых позволяет идентифицировать, в частности, мартовский и декабрьский указы 1701 г. (Башнин, Черкасова 2021: 35; Соколова 2008: 59; Шамина 2017: 122, 131-132, 160, 169, 179, 183, 191; Шамина 2021: 64, 70), следует расценивать как свидетельство того, что цели деятельности Монастырского приказа и его сотрудников на местах на начальном этапе реформы не сводились к тому, чтобы «точно выяснить объёмы церковных богатств по всей России» (Башнин, Черкасова 2021: 45).

В ходе исследования документально подтверждено исполнение указа от 31 января 1701 г. в отношении категорий церковных владений, которая ранее не рассматривалась в историографии в контексте описания, произведённого по наказным памятям из Монастырского приказа в начале XVIII в. Вводимые в научный оборот материалы описей патриарших вотчин расширяют возможности использования сравнительно-исторического метода. Источник позволяет установить, каковы были земельные владения Патриаршего дома в 17 уездах, полученные государством в результате секуляризации. Но для оценки того, какие церковные имущества в результате реформы оказались в ведении государства и какие церковные доходы пополнили казну, требуется дальнейшее его изучение с точки зрения полноты, подробности описаний и достоверности данных, представленных в Монастырский приказ каждым из писцов.

Секуляризация земельных владений патриарха в начале XVIII в. была доведена до логического конца, т. е. она была полной и, что важно подчеркнуть, в отличие от секуляризации монастырской, – окончательной (ввиду вначале фактического, а затем и формально-юридического упразднения патриаршества). Очевидна потребность в отказе от однозначных исторических параллелей между событиями начала XVIII в. и так называемой монастырской секуляризацией 1764 г.

Как представляется, ускоренная секуляризация церковно-монастырских земельных владений и имущества, последовавшая в начале Северной войны, не только противоречила вековым устоям земного существования Русской церкви, но оказалась организационно неподъёмной для тогдашнего государства, у которого ещё не было для этого соответствующих кадровых и логистических возможностей.

Об авторе:

Наталья Викторовна Соколова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
E-mail: natalia_sokolova@outlook.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327
Received: October 12, 2021
Accepted: November 20, 2021

Great Northern War and Church Reform of Peter the Great

N.V. Sokolova
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-153-171](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-6-81-153-171)

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article presents historical research on the Church reform of Peter I, considering the Great Northern War (1700–1721) as one of the crucial transformational factors in church-state relations in Russia. The article introduces descriptive books of patriarchal estates in 17 counties of Russia. They were created during the audit of Church and monastic property in line with the decree of January 31, 1701. It considers features of the form and content of these documents and previously known descriptions of bishops' houses and monasteries, which were carried out according to the mandated memorials of the Monastic Order in 1701-1705. The article claims that the secularization of the patriarch's landholdings, in contrast to other church holdings, was complete and final already at the beginning of the 18th century. In this regard, there is an obvious need to reject historical parallels between the events of the early 18th century and the "monastic secularization" of 1764.

Comparing the Alexei Kurbatov's proposals to Peter I in a letter dated October 25, 1700, with the content of the personal decrees of January 24 and 31, 1701 on the restoration of the Monastic Order allows us to hypothesize that the defeat at Narva and preparation for the meeting with the Elector Augustus II that would result in the signing of the Biržai pact, significantly adjusted the plans of the Church reform. The novelty of the January decrees that presumably started the reform (in the then-common European sense of the concept) was the inclusion of the patriarch's estates in the list of the Church's possessions subject to the control of the state in the future.

I conclude that the secularization of church-monastic possessions and property that followed at the beginning of the Great Northern War not only contradicted the centuries-old historical practice but was at that time organizationally overwhelming for the state, which was able to solve the problem of managing the escheat patriarchal lands but did not yet have the appropriate staffing and logistics capacities for control over all possessions of the Church.

Keywords: history of the Russian Orthodox Church, Church reform of Peter the Great, reforms of the church and state relations, Patriarch Adrian, secularization, descriptive books, Great Northern War

About the author:

Natalia V. Sokolova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 119334, build. 32-A, Leninsky Prospect, Moscow, Russia. E-mail: natalia_sokolova@outlook.com

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interest.

References:

- Bagger Kh. 1985. *Reformy Petra Velikogo: Obzor issledovaniy* [Reforms of Peter the Great. Literature Review]. Moscow: Progress. 203 p. (In Russian).
- Bashnin N.V., Cherkasova M.S. 2021. Kak nachinalas' tserkovnaia reforma Petra I? (po materialam severnorusskikh eparkhii 1690-1700-kh gg.) [How did the Church Reform of Peter I begin? (based on the materials of the Northern Russian Dioceses of the 1690s–1700s)]. *Canadian-American Slavic Studies*. 55 (1). P. 24-50. DOI 10.30965/22102396-05501002 (In Russian).
- Bulygin I.A. 1977. *Monastyrskie krest'iane Rossii v pervoi chetverti XVIII v.* [Monastic peasants of Russia in the first quarter of the 18th Century]. Moscow: Nauka. 327 p. (In Russian).
- Bulygin I.A. 1974. Tserkovnaia reforma Petra I [Church Reform of Peter I]. *Voprosy istorii*. 5. P. 79-83. (In Russian).
- Discussion on the reports of P.Yu. Uvarov, S.E. Fedorov and L.A. Pimenova [Diskussiya po dokladam P.Yu.Uvarova, S.Ye. Fyodorova i L.A. Pimenovoy]. *Fenomen reform na zapade i vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI-XVIII vv.)*. Sbornik statei. [The Phenomenon of Reforms in the West and east of Europe at the Beginning of the Modern period (16th-18th Centuries). A collection of articles]. Ed. by Krom M.M., Pimenova L.A. 2013. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. P. 69-76. (In Russian).
- Verkhovskoi P.V. 1916. *Uchrezhdenie dukhovnoi kollegii i Dukhovnyi reglament. K voprosu ob otnoshenii tserkvi i gosudarstva v Rossii. Issledovaniia v oblasti istorii russkogo tserkovnogo prava* [Establishment of the Spiritual College and the Spiritual Regulation. On the Issue of the Relationship between Church and State in Russia. Research in the History of Russian Ecclesiastical law]. Rostov-na-Donu: Novoe vremia. Vol. 1. [2], XXVI, CLXXXVIII, 686 p. (In Russian).
- Gorchakov M.I. 1868. *Monastyrskii prikaz (1649-1725 g.): Opyt istoricheskoi iuridicheskoi issledovaniia* [Monastic Prikaz (1649-1725): an Attempt at a Historical and Legal Research]. St. Petersburg: tip. A. Transhelia. 159 p. (In Russian).
- Gorchakov M.I. 1871. *O zemel'nykh vladeniakh vserossiiskikh mitropolitov, patriarkhov i Sv. sinoda. (988-1738 gg.): Iz opytov issledovaniia v istorii russkogo prava* [On the Land Holdings of the All-Russian Metropolitans, Patriarchs and the Holy Synod. (988-1738): From attempts at research in the history of Russian law]. St. Petersburg: tip. A. Transhelia. 558, 252 p. (In Russian).
- Krom M.M., Pimenova L.A. Phenomen reform v Evrope rannego novogo vremeni [The Phenomenon of Reforms in Early Modern Europe]. *Fenomen reform na zapade i vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI-XVIII vv.)*. Sbornik statei. [The Phenomenon of Reforms in the West and east of Europe at the Beginning of the Modern period (16th-18th Centuries). A collection of articles]. Ed. by Krom M.M., Pimenova L.A. 2013. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. P. 7-16. (In Russian).
- Nikol'skii N.M. 1912. Tserkovnaia reforma Petra [Church Reform of Peter I]. *Tri veka: Rossiia ot smuty do nashego vremeni. Istoricheskii sbornik* [Three Centuries: Russia from the Time of Troubles to today. Historical digest]. Ed. by V.V. Kallash. Vol. 3. Moscow: T-vo I.D. Sytina. P. 180-197. (In Russian).
- Pavlenko P.N. 2006. *Istoriia Petra Velikogo* [The History of Peter the Great]. Moscow: Veche. 570 p. (In Russian).

Pimenova L.A. 2013. Reformy i reformatory vo Frantsii v vek Prosveshcheniia [Reforms and Reformers in France in the Age of Enlightenment]. *Fenomen reform na zapade i vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI-XVIII vv.)*. *Sbornik statei* [The phenomenon of reforms in the west and east of Europe at the beginning of the Modern period (XVI-XVIII centuries). A collection of articles]. Ed. by Krom M.M., Pimenova L.A. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. P. 59-68. (In Russian).

Runkevich S.G. 1900. *Istoriia russkoi tserkvi pod upravleniem sviateishego sinoda. T. 1. Uchrezhdenie i pervonachal'noe ustroistvo sviateishego pravitel'stvennogo sinoda (1721-1725 gg.)*. [History of the Russian Church under the Governance of the Holy Synod. Vol. 1. Establishment and initial structure of the Most Holy Governing Synod (1721-1725)]. St. Petersburg: Tipografiia A.P. Lopukhina. 429 p. (In Russian).

Sakharov A.N. 1966. *Russkaia derevnia XVII veka. Po materialam patriarshego khoziaistva* [Russian Village of the 17th Century. Based on Materials from the Patriarchal Land Holdings]. Moscow: Nauka. 230 p. (In Russian).

Sedov P.V. 2013. «Vse de nyne gosudarevo»: traditsii i novatsii v tserkovnoi reforme Petra I [“Everything is Sovereign Now”: Traditions and Innovations in the Church Reform of Peter I]. *Fenomen reform na zapade i vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI-XVIII vv.)*. *Sbornik statei*. Ed. by Krom M.M., Pimenova L.A. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. P. 122-142. (In Russian).

Slitsan B.G. 1954. Reforma tserkovnogo upravleniia [Church Governance Reform]. *Ocherki istorii SSSR. Vol. VII. Period feodalizma. Rossiia v pervoi chetverti XVIII v. Preobrazovaniia Petra I*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. P. 371-379. (In Russian).

Smolich I.K. 1999. *Russkoe monashestvo. 988-1917* [Russian Monasticism. 988-1917]. Transl. from German by Archpriest Vladislav Tsylin. (Prilozhenie k «Istorii Russkoi Tserkvi»). Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia entsiklopediia». 366 p. (In Russian).

Sokolova N.V. 2016. Iz istorii boiarskogo zemlevladieniia v Nizhegorodskom uezde v 80-kh gg. XVII v. [From the History of Seigniorial Tenure in Nizhny Novgorod uезд in the 1680s.]. *Petersburg historical journal*. №4. P. 42-58. (In Russian).

Sokolova N.V. 2021. *Nizhegorodskaiia dvorcovaia derevnia XVI-XVII vekov* [Nizhny Novgorod Crown Villages of the 16-17th Century]. Moscow: Aspect Press Ltd. 336 p. (In Russian). DOI: 10.31168/7567-1128-8

Sokolova N.V. 2008. Opisaniie tserkovnomonastyrskikh vladeniiv protsesse sekularizatsii nachala XVIII v.: Opyt rekonstruktsii (na materialakh Nizhegorodskogo uezda) [Description of Church and Monastery Lands during Secularization in the Early 18th Century: Experience of Reconstruction on Materials of Nizhny Novgorod Uyezd]. In: *Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii. Mezhhvuzovskii tematicheskii sbornik nauchnykh trudov*. Kaliningrad. P. 44-60. (In Russian).

Shamina I.N. 2017. Perepisnye knigi kolomenskikh Spaso-Preobrazhenskogo, Golutvina, Bobrenea i Brusenskogo monastyrei 1701 g. [Inventory Books of the Kolomna Spaso-Preobrazhensky, Golutvin, Bobrenev and Brusensk Monasteries of 1701]. *Vestnik tserkovnoi istorii*. 3-4 (47-48). P. 96-226. (In Russian).

Shamina I.N. 2021. Prakticheskaiia realizaciia pervogo etapa cerkovnoi reformy Petra I. [Practical Implementation of the First Stage of the Church Reform of Peter I (1701-1703)]. *Rossiiskaia istoriia*. 4. P. 60-73. DOI: 10.31857/S086956870016256-2 (In Russian)

Список литературы на русском языке

- Баггер Х. 1985. *Реформы Петра Великого: Обзор исследований*. Москва: Прогресс. 203 с.
- Башнин Н.В., Черкасова М. С. 2021. Как начиналась церковная реформа Петра I? (по материалам севернорусских епархий 1690-1700-х гг.). *Canadian-American Slavic Studies*. 55 (1). P. 24-50. DOI: 10.30965/22102396-05501002
- Булыгин И. А. 1977. *Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в.* Москва: Наука. 327 с.
- Булыгин И. А. 1974. Церковная реформа Петра I. *Вопросы истории*. 5. С. 79–83.
- Верховской П.В. 1916. *Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении церкви и государства в России. Исследования в области истории русского церковного права*. Ростов-на-Дону: Новое время. Т. 1. [2], XXVI, CLXXVIII. 686 с.
- Горчаков М. И. 1868. *Монастырский приказ (1649–1725 г.): Опыт историческо-юридического исследования*. Санкт-Петербург: тип. А. Траншеля. 296, 159 с.
- Горчаков М. И. 1871. *О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. синода. (988–1738 гг.): Из опытов исследования в истории русского права*. Санкт-Петербург: тип. А. Траншеля. 558, 252 с.
- Дискуссия по докладом П.Ю. Уварова, С.Е. Федорова и Л.А. Пименовой. 2013. *Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.)*. Сборник статей. Отв. ред. Кром М.М., Пименова Л.А. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета. С. 69–76.
- Кром М.М., Пименова Л.А. 2013. Феномен реформ в Европе раннего Нового времени. *Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.)*. Сборник статей. Отв. ред. Кром М.М., Пименова Л.А. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета. С. 7–16.
- Никольский Н. М. 1912. Церковная реформа Петра. *Три века: Россия от смуты до нашего времени. Исторический сборник*. Под ред. В.В. Каллаша. Т. 3. Москва: Т-во И.Д. Сытина. С. 180–197.
- Павленко П. Н. 2006. *История Петра Великого*. Москва: Вече. 570 с.
- Пименова Л. А. 2013. Реформы и реформаторы во Франции в век Просвещения. *Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.)*. Сборник статей. Отв. ред. Кром М.М., Пименова Л. А. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета. С. 59–68.
- Рункевич С.Г. 1900. *История русской церкви под управлением святейшего синода. Т. 1. Учреждение и первоначальное устройство святейшего правительственного синода (1721–1725 гг.)*. Санкт-Петербург: Типография А. П. Лопухина. 429 с.
- Сахаров А. Н. 1966. *Русская деревня XVII века. По материалам патриаршего хозяйства*. Москва: Наука. 230 с.
- Седов П. В. 2013. «Все де ныне государево»: традиции и новации в церковной реформе Петра I. *Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.)*. Сборник статей. Отв. ред. Кром М.М., Пименова Л. А. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета. С. 122–142.
- Слицан Б.Г. 1954. Реформа церковного управления. *Очерки истории СССР. Т. VII. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I*. Москва: Издательство Академии наук СССР. С. 371–379.

Смолич И. К. 1999. *Русское монашество. 988–1917*. Пер. с нем. протоиерея Владислава Цыпина. (Приложение к «Истории Русской Церкви»). Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». 366 с.

Соколова Н. В. 2016. Из истории боярского землевладения в Нижегородском уезде в 80-х гг. XVII в. *Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории*. №4. С. 42–58.

Соколова Н. В. 2021. *Нижегородская дворцовая деревня XVI–XVII веков*. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 336 с. DOI: 10.31168/7567-1128-8

Соколова Н. В. 2008. Описание церковно-монастырских владений в процессе секуляризации начала XVIII века: опыт реконструкции (на материалах Нижегородского уезда). *Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский тематический сборник научных трудов*. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта. С. 44–60.

Шамина И.Н. 2017. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. *Вестник церковной истории*. 3/4 (47/48). С. 96–226.

Шамина И.Н. 2021. Практическая реализация первого этапа церковной реформы Петра I. *Российская история*. №4. С. 60–73. DOI: 10.31857/S086956870016256-2